

лада миллер

Поэтическая библиотека
Серия основана в 1993 году

лада миллер

москва 2018

УДК 82-1
ББК 84(2=411.2)-5
М

дизайн серии
Валерий Калныньш

Миллер, Л.
М . — М. : Время, 2018. — 96 с. —
(Серия «Поэтическая библиотека»)
ISBN 978-5-9691-1

ДО НАШЕЙ ЭРЫ

ББК 84(2=411.2)-5

© Лада Миллер, 2018

© «Время», 2018

ДО НАШЕЙ ЭРЫ

Смотришь в слепое окно, понимаешь — влип
В этот осенний сплин, в перехлесты лип,
В то, что несется по небу от и до,
И западаешь клавишей — ногой до.

До нашей эры деревья шагали врозь,
Это сейчас у каждого в сердце гвоздь.
Вот и сиди прикидывай, что больней.
Сколько бы ни было осени — все о ней.

Сколько бы ни было истины — вся в вине.
Вечер рисует тыквенного Моне.
Пробкой размахивая, кланяется бутыль.
Смотришь на дно, уговариваешь — остынь.

До нашей эры и после — не та, не тот.
Что же внутри колоколет, глаголет, бьет?
Это прощается дерево — день за днем —
С вырвавшимся гвоздем.

ПРЕДРАССВЕТНОЕ

Плач малиновки нежен и тонок,
Рассыпает по зернышку грусть.
Так, наверное, плачет ребенок,
Потерявший душистую грудь.

В тихом голосе привкус потери,
Безнадежные «вдруг» и «вот-вот»,
Колокольчик над запертой дверью,
Женский голос. Улыбчивый рот.

Под ладонью притихшего сада
От бывшего ни слез, ни следа,
И такая на сердце отрада,
Что становится ясно — беда.

Все, что мило, — навьлет и мимо,
Так вбивай же малиновый клин
В неслучившихся, неповторимых,
Предрассветных, любимых, един...

О НАЧАЛЕ

Оставшись, я уже не убегу.
Мы будем жить с тобой на берегу,
Делить еду и легкую работу,
Перебирать задумчиво песок,
Рожать детей, креститься на восток
И соблюдать, как водится, субботу.

В кувшине глина. В облаке вода.
Рука в руке... Прощать и обладать,
Чтоб не терять необходимый трепет, —
Не в этом ли святая благодать?
(Когда в саду распухнет беда,
Заголосим, но губы не разлепим.)

Я не о том, любимый, не о том.
(Уносит море тело, память, дом,
Знакомые до обморока лица.)
Я о начале. Все-таки уйду.
Остаться — это значит на беду,
Как и на счастье, взять и согласиться.

ВОТ И ХВАТИТ

Если сильно захочешь — спасу.
Нам бы домик в июльском лесу,
Чтобы солнце и нежная хвоя —
Послевкусием долгого «дво-е».

Чтобы в доме трава и кровать.
Мы с тобой — такова благодать —
Состоим из улыбок и клавиш,
И уже ничего не исправишь.

А за домом — слова и листва.
Мы сидим к голове голова,
Тридевятый закат провожая,
И собака породы «большая»
Засыпает от счастья у ног.

Вот и хватит. Четырнадцать строк.

ОСТАНЕМСЯ ДОМА

Ты смешивай краски. Я выношу деток.
Немного тепла и обглоданных веток —
И вот уже небо набухло, провисло
Над прикусом страсти и поиском смысла.

Ликующий свет ли, рисующий бес ли...
Тебя разрывают на «может» и «если»
Не знавшие птиц перелетные пули,
И кисть проникает в заснеженный улей,

Где каждая складка свежа и знакома,
Где голоду — голос: «Останемся дома»,
Где губы вникают в январскую мякоть.
Подумаешь: «Счастье»,
И хочется плакать.

ПРОГУЛКИ

Прогулки с лыжами и без,
Потерянные рукавицы.
Лес вырастает из небес,
Поскрипывает и искрится.

На все непрожитые дни —
Одни. Ни облака, ни тени.
Слегка притоптывают пни
От холода и нетерпенья.

Край мира выбелен, умыт
И так непоправимо ясен,
Здесь каждый любящий — пиит,
Чей голос чист и не напрасен.

И вот, пока слова звенят,
Как потревоженные ели,
Ты, раскрасневшись от огня
Сердечного, идешь ко мне и...

АЛОЕ НА СЕРОМ

Туман. Изюминки ворон.
Над колокольней вышит крестик.
В таком забытом богом месте,
Где тишь да хмарь со всех сторон,

Острее память, слаще яд
Семейных радостей безгрешных.
В саду чернявые черешни
В листве обглоданной стоят.

Упорно тащит муравей
Свою соломинку пустую,
Под вечер в теплый дом несую я
Уставший ветер в рукаве.

Здесь вечер нежен и кровит
Закат. Рукой подать до рая.
Здесь жизнь — от края и до края —
Лишь ожидание любви,

А наш сердечный перестук
Нестихотворного размера —
Всего лишь средство от разлук,
Всего лишь алое на сером.

НЕ РОБЕЙ

Опять осеннее бессилье —
Дождь со слезами пополам.
Деревья складывают крылья
И прижимаются к домам.

Река туманами болеет,
Немеет звонкая вода,
А я люблю тебя сильнее
И беззаветней, чем всегда.

Пусть небо ниже, ближе, строже,
Но ты, мой ангел, не робей,
Пока на ветке врет безбожно
Неперелетный воробей.

ТИХИЕ РАДОСТИ

Тихие радости наши — лишь отголоски дождей.
Солнце из глиняной чаши льется быстрее и вольней,

Синее дно раскалилось, поберегись, пригубив.
Где тебя, лето, носило? Я ли тебя не любил?

Я ли тебя? Покажись-ка... плавится воздуха медь,
Счастье так ярко и близко, что невозможно терпеть —

Блещут в стремительной речке, словно монеты, лещи,
Неугомонный кузнечик о повседневном трещит,

Ягоды падают сами солнечной каплей с куста —
Миска с облупленным краем наполовину пуста.

Счастье рождается трудно, чтобы рассыпаться в прах.
Есть только эти секунды — осы на нежных цветах —

Высосут, выжгут, задразнят... Вздогнешь и снова начнешь
Ждать ослепительный праздник сквозь нескончаемый дождь.

ЖИЗНЬ ПРОХОДИТ

Закатилось солнце под восток.
Вот и мне бы заново родиться.
Календарь роняет лепесток,
Будто небо раненую птицу.

Синий вечер, сумрачен и прян,
Колоколет праздничное «амен».
Из душистых лаковых семян
Прорастают облако и камень.

Не понять — где радость, а где злость.
Отбрав надежду без остатка,
Жизнь проходит. Мимо или сквозь,
Все одно — мучительно и сладко.

УТЕШЬ МЕНЯ, СЛОВО

На улицу б вышла, да улицы нет,
Как холодно улицы без.
Моих дорогих собеседников след
Вот только что был — и исчез.

Ушел, зацепившись за шляпку гвоздя,
Ни с чем несравнимый покой.
А я повторяю — бояться нельзя,
И голос колотится мой

О стены, о кровли, о неба кlobук,
Летит бестолково на свет,
А время идет и ломает каблук,
И вот уже времени нет.

Не жизнь, а потеха — гремят жернова,
Швыряют в несытую брешь.
...А слово услышу — и снова жива.
Утешь меня, слово, утешь.

ПЕРВЫЕ СЛОВА

*Во всем мне хочется дойти
До самой сути...
Б. Пастернак*

Ах, как мечталось заболеть поэзией. Дойти до сути,
Пока улыбчивая смерть играет шариками ртути

Еще не высказанных слов. Пока накатывает жажда,
Которая всегда — любовь, а все, что не любовь, — неважно.

И были первые слова — тугие, гладкие оливы,
И мы с тобой — как дважды два — нескучны, противоречивы...

Хоть нам уже немало лет, чтобы чему-то удивиться,
Но оказалось — сути нет. Изголодавшаяся птица

С ума веселого свела, сжила с наскучившего света.
Все неотложные дела отпущены и недопеты,

Все в грудь вошедшие слова — неразорвавшиеся пули.
А что Поэзия? — Жива. Хоть в этом нас не обманули.

КОГДА ЧЕЛОВЕК СМЕЕТСЯ

Очнемся — темно и рано. Откроем на небе свет.
Поставим на стол стаканы, да силы на радость нет.

Когда человек... Непросто решиться: теперь — пора.
Покатимся, как наперстки, в шершавый пролом двора,

Из сумрачного «все в прошлом» — в ошибку и кутерьму,
Где осень мешает ложкой распаренную хурму,

Где листья глотают ямы, где ветер летит в плаще,
Где дворник еще не пьяный, а праздничный и вообще.

Когда человек смеется... Ты знаешь, я даже рад,
Что все холоднее солнце. (Зато беззаботней взгляд.)

Из окон — то брань, то Шнитке, то юшка, то контрабас.
Оглянемся на пожитки, взлетим, и... помилуй нас!

КРАЙ СВЕТА

Босые легкие шаги и
Деревья черные, нагие,
Трава, горчащая едва.
Пойдешь отчаянно с Е-два —
И пропадешь на все четыре.
Не осень — яма, света край,
Луны промерзший каравай
На крошки снежные расколот,
По медным листьям пляшет молот
И заколачивает рай.
А я, что в корне неправа,
Вдруг получила, что хотела —
И прорастают, как трава,
Простые, звонкие слова
Сквозь распечатанное тело.

ПРОПАЛА

Чуть осень — чувствую, пропала —
Пусть ветер сух, и небо ало,
И ночь расписана углем,
Но все же, Господи, как мало
Огня в урочище твоём.

А эта осень — только повод...
На части белый свет расколот,
Лишь ты, как маковка, внутри,
Все остальное — лед и холод,
Хоть весь до ладанки сгори.

Но разве жаловаться смею?
И счастья нет, и слезы злее,
И тонет истина в вине.
Но там, в пугливой глубине,
Трепещет бабочка — Психея,
На время выданная мне.

ЧТОБЫ ЗАПОМНИТЬ

Казалось бы, ну что тебе закат?
Все август переспелый виноват —
Дурачится по молодости, дразнит.
Такой неповторимый и живой,
Что неба окровавленный подбой
Чуть вечер разворачивает праздник.

Ты забываешь числа и слова,
Тебя несет высокая трава
Туда, где сосны с круглыми плечами,
Как будто в детстве сумрачном твоём,
Шумят разлукой, голодом, углем
И, заикаясь, вечность обещают.

Закат кипит и пенится, как суп,
И кажется — ты снова юн и глуп,
А сердцевина есть и не избыбла.
Так и живешь, растягивая миг,
Чтобы запомнить неба черновик,
Прекрасный облик, ненасытный блик
И лица удивляющихся яблок.

ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ

Приходишь домой. Снимаешь пальто.
Сядишься. Читаешь меня взахлеб.
А память сначала молчит, потом
Ее колотит озноб.

За то ли, что я далеко, за то,
Что сам виноват (погоди, не трусь!) —
Приходит, садится бочком за стол
Твоя шершавая грусть.

Но кто-то — разбитым стеклом: «Не трожь
Ее, эта роза суха!», и ты
В стакан наливаешь крутую ложь,
Зовешь другие цветы.

О прошлом, о правильном, о простом —
Хоть пой, хоть в запой — позабыть нельзя.
Моя пустота — за твоим столом,
А все остальное — зря.

ТАК ПРОСНУСЬ

Бывает, проснешься — вспорхнет синева,
Взлетят сквозняки над перронами комнат,
Вдохнешь эту зиму — и тут же напомнят
О счастье забытые в прошлом слова.

И снова потянутся губы к «люблю»,
Но нет безнадежнее слова на свете:
Тебя попытаюсь обнять и согреть — и,
Как встарь, неумело и жадно спалю.

И будет мне пепел, вокзальная грусть,
Скрип снега, озноб индевеющей спальни,
Твой запах, твой вкус горьковато-миндальный,
Задумчивый лепет, божественный груз.

Что после? В серебряном горле вино.
Пьянею и верю (по глупости, что ли?):
Как только вернешься — от счастья и боли
Вздохнет, потеплеет и брызнет окно, —
Вот так и проснусь.

И ТАЙНА ОДНА

ГОЛОС ТВОЙ

Кто-то вздрогнул и голос разлил,
Заискрились в декабрьской пасти
Эти сумерки — реки чернил,
Эти вьюжины — скважины страсти.
Если чисто и пристально петь,
Выйдет время и зерен крошит.
Жизнь с изнанки похожа на смерть,
Только длится значительно дольше,
Выбирает, кто пан, кто пропал,
Ошибается глупо и часто...
Голос твой неоправданно ал,
Ну а что еще надо для счастья?

И ТАЙНА ОДНА

За окнами снег — голубят голубей,
И каждая строчка выходит о ней —
Голодной, нахальной. В нелепейшем слове —
Скулящая боль и немного любви.
А кто-то смеется и ладит кувшин
Из двух обожженных нагих половин.

Осталось — ему ли, в него ли — поверить,
Но звери заходят в раскрытые двери,
Ложатся у ног вислоухие пасти —
Слепое отчаянье, горькое счастье.
И крыша летит, унесенная прочь,
И каждое утро — парижская ночь.

Что в музыке этой, что в этой весне?
Не думай о прошлом, о будущем не...
Пугать голубят — не судьба, а забава,
И сердце катается слева направо,
По дому — до неба, до самого дна,
В нем голубь, и прорубь, и тайна одна —

Что тот, кто живет за обугленным краем,
Как мы — обнажен, обожжен, обожаем.

И БОГ СО МНОЙ

Ты уговаривал: «Летим»,
И Бог подшучивал над нами
В краю невиданных светил,
В раю потерянных сознаний,

Где ложь и правда заодно,
Где столько памяток и знаков,
Где rue de Lille глядит в окно,
Чей свет бессовестен и маков.

Там дом и комната одна,
В ней опрокинутые тени,
И ночь сквозь родинки видна,
Как дождь сквозь обморок весенний.

Все сон и морок в том краю,
И Бог со мной, и не понять мне,
Что я над пропастью стою,
Но лишь одно — твои объятья...

И РАЗЛУКА ПОЕТ

Я случаюсь в тебе каждый день,
Утро, ночь ли — а все набекрень
Облака, и дрожит лихорадка
В голосах растревоженных птиц.
Столько вырвано душ и страниц
Из тебя, что чума и несладко.
Пусть разруха и голод, и мрак,
Но стучит кровеносный кулак
По расстроенным клавишам: «Ладка»...

Я в тебе говорю и горю,
Прорастаю назло январю,
Потому что сейчас между нами
Ни притворства, ни уз, ни границ,
Ты, как солнце, бросаешься ниц,
Я, как море, тебя принимаю.

И краснеет от жизни вода,
И ступает на берег беда,
И разлука поет баю-баю.

ГЛЯДИШЬ В МЕНЯ

И без тебя распустится восток...
Глядишь в меня — угрюм и одинок,
Без суеты, но пристально и в оба.
Что за насмешка слово «никогда»,
Когда я рядом — ближе, чем вода
И пища. Облюбовывай и пробуй.

Будь самым из несбыточных мужчин,
Не заводи привычек и причин
Скучать по исполнению желаний.
В желаниях — отчаянье и бес.
Пока не грянет ласточка с небес,
Я просто ветвь, привитая к тебе,
Я просто вещь, забытая в кармане.

И все равно, что кроется в «потом»,
Не говори о вечности, о том,
Что будет после ласточки. За краем
Моей любви — еще любовь — гляди...
Мне без тебя — бессмыслица в груди —
Восток чадит, отчаянье чудит,
А ласточка болит и умирает.

БЕРЕГИ МЕНЯ

Береги меня. Береги.
Солнце встанет не с той ноги,
Будет щуриться и лучиться.
Плачь не плачь, что остыло — в печь.
Мы с тобой (прочитать и сжечь)
Прикасаемся — слух и речь,
Грудь и воздух, душа и птица.

Жажда, жажда, звенит кувшин...
Нет различнее половин,
А сошлись — не разлей водою.
То любовники, то враги.
Впереди не видать ни зги.
Береги меня. Береги.
Отпусти.
Забери с собою...

ГЛЯДИ — СГОРИМ

В кармане сердца — быстро полезай! —
Живут непослушанье и банзай,
Сопит под шалью ласковая шалость,
Растет любовь, как сорная трава.
Я собираю ветки и слова...
Гляди — сгорим. А что еще осталось?

На белом свете вылюбленных в дым
Так мало, что не верится другим
В обожествленье радости и муки.
Тянись, тянись, росток моей души.
С ума сойду — нахмурься, задуши
Или возьми — притихшую — на руки...

Не страсть — нежней. Не таинство — но суть;
Росток поет и разрывает грудь.

ПОГОДИ

Жизнь кончается больно и быстро...
Не хватай, не целуй, погоди.
Я наткнусь на тебя, как на выстрел,
Как на крик в говорящей груди.

Изо всей своей силы и грусти
Тянешь к сердцу, торопишься. Эй!
Пузырящийся воздух невкусен,
Да и нет в пустоте пузырей.

Все не так. Слишком страшно и резко
Рассветает. Держи меня за...
Вот крючок. Здесь кончается леска.
Начинаются рот и глаза.

* * *

Так и выходишь на улицу —
Глупый, наивный, нагой.
Утро дождливо сутулится,
Пробует лужу ногой.

Дерево целится в облако...
Сколько еще до небес?
Счастье — внутри, а не около.
Горе — бывает ли без?

Время не бомба, а тикает,
Бог закрывает глаза...
Вот и возьми меня тихую
На руки — на небеса.

Кружатся птицы и головы,
Ветер умаялся — спит.
Март — это быстро и здорово,
Медленно, больно, навзрыд...

* * *

Лист теряет голову и летит...
В мире столько осени, та petite,
Столько нерастраченных нояблей,
Что бери и грей.

Что бери лоскутья, иглу, тесьму,
Наклоняй затылок, от неги нем,
Над шитьем узорным. А я возьму —
Зацелую. Съем.

И заполнят птицы грудную клетку,
По биению крови узнаю — юг.
Наш с тобою праздник — кружить и петь,
Замыкаясь в круг.

Из-под пальцев неба течет стекло,
На свечу заката летят листы.
В мире столько осени, столько О,
Что повсюду — ты.

* * *

И вдруг оказалось так мало, так мало
Меня, так безвыходно серо,
Что с дымом осенним взяла и пропала
Надежда и кончилась вера.

А птицы летели, а птицы кричали,
И ветер сипел от простуды.
Но ты улыбнулся: «Не трогай печали»,
И я обещала: «Не буду».

И стало так тесно в кувшине небесном,
Так утренне, ласково, ало...
Как будто надежда взяла и воскресла,
А вера пришла и настала.

С тех пор, если осень — сажусь на колени,
Тебя терблю и тревожу...
И птицы смеются, и прячутся тени...
Не счастье — но очень похоже...

РАЗГОВОРИ ПТЕНЦА

Пчелы приносят мед,
Осы приносят осень.
Вслушайся, как поет
Ветер в подмышках сосен,

Как свиристелит лист —
Искренне и прозрачно,
В небо мое всмотрись —
Радуется? Не плачет?

Разговори птенца
(Будет играть в молчанку):
Счастье — так без конца,
Нежность — так спозаранку.

Пара негромких нот,
Зерен душистых... Бросил? —
Ишь, как теперь поет,
Светится, купоросит —

Будто бы и не жил
С пулей в птенцовом теле,
Струн не тянул из жил,
Будто бы — в самом деле —

Все, что болит, пройдет...
Зря ли по свету носит
Пчел, что приносят мед,
Ос, что приносят осень.

МЫ ВЫРАСТИМ РАДОСТЬ

Из окон открытых — то птицы, то скрипки.
Ты вдруг понимаешь — попался и влип.
Несется весна с торжествующим криком —
Бубенчик, малиновка, жалоба, всхлип.

На тонких ногах разбегаются травы,
Кузнечики звонкие точат ножи,
Стихи сочиняются слева направо,
И все как обычно. Но хочется жить.

Бушуют в груди несказанные строчки,
Дождем расцветает небесный зрачок.
Я знаю — ты плачешь. И слушать не хочешь.
Играй, мое счастье! Берись за смычок.

Мы вырастим радость, как лук на балконе —
Под грохот дождя, говорок половиц...
Весна это страшно, весна это больно,
А грудь не вмещает вернувшихся птиц.

ЛИСТОПАД

Я — обещание чудес.
Ты смотришь нежно, дышишь часто,
Тебя возносит до небес
Любви химический процесс —
Ремейк несбыточного счастья.

Я — шумной осени базар.
Когда весны досадно мало,
Моей листвы нескучный дар —
Лететь, как ветер на пожар,
И трепетать о чем попало.

Ты — просто Облак, синий дым,
Поющий мир, душистый ладан,
Не сыт, не пьян — любим, любим,
Отвагой жизни одержим,
Пленен разгульем листопада.

Все устаканенное — в прах,
Но нам с тобою много ль надо? —
Услышать в ласковых словах
Звериный страх, лебяжий «ах»
И нежность скорого распада.

ТРОГАТЕЛЬНОЕ

Пусть холодно. Возьми меня и грей.
Я буду расцветать и удивляться,
Что вдруг зима становится добрей,
Хотя на ощупь добрых минус двадцать.

Мне зимний вечер горек и свинцов,
Но есть внутри мелодия простая:
Снег осторожно трогает лицо,
И шепчет, и смешит, и обладает.

Так и стоим, обнявшись на ветру,
Забыв про хмурый быт и чувство долга.
И кажется, что я вот-вот умру,
Но лишь от счастья. Тихо. Ненадолго.

ПОКА НЕ РАСТАЯЛА

Январь — это значит лежать на печи,
Уткнувшись в любимые плечи,
И пусть невысокое солнце скворчит,
А небо свистит и скворечит.

Как быстро темнеет, как звонко хрустит,
Как жарко от этих объятий.
Огонь говорлив, домовой домовит
И безостановочен дятел.

Умрешь и родишься — птенец, черновик,
Заложник рождественской стужи,
А слово, что легче и звонче музык,
Взлетит и над домом закружит.

И холод, и хохот — нахохлись и грей,
Пока не растаяла — трогай.
И я нарожаю тебе январей —
На счастье и за ради бога.

* * *

На небо, в облако, за двери —
Где стынь и палая листва,
Где мы — непуганные звери,
Где плоть вымаливает семя,
Где страсть — материя и время,
Помноженные на слова.

Еще темно и одиноко,
Но вспять торопится река,
Чтоб невозможное далеко
Приблизилось на полглотка.
Чтоб наши прошлые разлуки
Не дали ягод и плодов,
Чтоб эти радуги и руки,
Чтоб эта горькая любовь...

Пусть ветер колок и простужен,
Пусть все пройдет — и бог бы с ним,
Но посреди житейской стужи
Вдруг так подхватит и закружит...
И снова — сужен, нежен, нужен,
Единственен. Боготворим.

В ПЕРЕВОДЕ С ПТИЧЬЕГО

Еще чуть-чуть, и сад остепенится,
Затеплится, заварится... Еще —
Вернутся неприрученные птицы,
Прирученные сядут на плечо.

Как облако из чайника, как вата
Из куклы, перекроенной стократ,
Появится мое — Не виновата.
Распустится твое — Не виноват.

Нахлынет май — то мять меня, то маять,
Укачивать под простенький мотив,
И прошлое останется на память,
А будущее выйдет не простив.

Отчаянье разделится на гроздь,
Тоска зайдет в незапертую грудь...
Придешь домой — повесь меня на гвоздик,
Пойдешь гулять — в кармане не забудь.

Любить легко. Но тем сильнее жажда,
Чем ближе недоступная вода.
По-человечьи — ты меня однажды...
А я тебя по-птичьи — навсегда.

НА ДРУГОЙ СТОРОНЕ ЛЮБВИ

НА ДРУГОЙ СТОРОНЕ ЛЮБВИ

Полно, милая, не реви.
На другой стороне любви
Розы жалят и нежат осы.
Сад нездешний — что лист, что куст
Источают не грусть, но груз,
Не покой, но любимый голос.

Так случилось. Теперь пора.
Из-под нежного топора —
Брызги, дребезги, звезды, щепки.
Счастья щепоть, глоток вина.
Между нами стена, стена —
Ток несильный. Замок некрепкий.

Несмертельно, небезопас...
За тобою мне — глаз да глаз.
Там — за глазом — темно и пусто.
Мы с тобою едва видны.
На другой стороне луны —
Отпечаток моей вины
И твое неземное чувство.

ЭТО ВСЕ ЕЩЕ РИМ

На балкон, перевитый плющом,
Входит вечер. Под синим плащом
Разгорается сердце заката.
Это Рим. Это все еще Рим,
Мы еще о любви говорим,
Но уже не светло — виновато.

Эти голуби, звезды, птенцы,
Эти камни из теплой мацы —
Отвернешься — растают без звука.
Что мне ад без тебя? Что мне рай?
Сколько правильных книг ни читай,
На последней странице — разлука.

Я не плачу, а небо — не в счет,
Разбегается твой самолет,
Расправляет затекшие плечи.
Я смахну паутинку с лица...
Наша радость без дна, без конца,
Но платить — не по силам и нечем.

Это все еще Рим — это дом,
Где балконы укрыты плющом
И протертый ковер на ступенях.
Это я — у тебя на коленях.
Ты прижался к отчаянью лбом...

БЕЗ РАЗНИЦЫ

Увезу тебя в Венецию,
Потому что мне без разницы,
Где мое взорвется сердце, и
Что от вечности останется
После нас.

Не солнце — палица,
Речь воды — печаль, инерция,
Пьяцца — пыльная и плянется.
Это ты, моя Венеция.

Вдоль каналов проза — та еще:
Крики, окна, всплески, столики.
Мы с тобою два товарища —
Что большее, чем любовники.

Ты со мной — ребенок ласковый,
Я с тобой — морское чудище.
Над расплесканными красками
Флагом фраза: «Знаешь, в будущем...»

Город скалится и щурится,
То, что есть, — всегда и здорово.
И качает лодку улица,
И закат роняет голову.

* * *

Если скажешь «Мадрид» — мне послышится ад,
Я отвечу «нельзя», я отвечу «назад»,
Но ослеп непредвиденный случай,
Потому что — покой и созвучье,
Вот и я на серебряный взгляд
Отзовусь колокольчиком. Рад?

Как шаги твои, счастье, легки.
После выйдет судьба из реки
И обхватит текучие плечи,
И звезда надо мной защебечет.

Если скажешь «Мадрид» — говори, говори,
Это воздух мадридский звенит и горит,
Помню все, что еще не случилось,
Но особенно всхлип и начало.
Так и встретимся — хочешь пари?
Все, что хочешь. До слез, до зари.

А потом за звездой, за рекой
Разольется молочный покой,
И туман среднерусской равнины
Склеит намертво две половины.

Хочешь, мучай, а хочешь, ласкай,
Если скажешь «Мадрид». Если ска...

ГДЕ ПРАЗДНИК ЕСТЬ

Начало марта. Гомон и галдеж.
Ты вся — туман. Ты плачешь и поёшь.
Веду тебя, как жертву на закланье,
В прозрачный сад с остатками деревьев,
Где воздух опадает, поседев,
Где праздник есть, но нет ему названья.

Слова любви — непрочные слова.
Ты говоришь — смешна и неправа —
Что ничего не делится на части.
Непоправимы жесты и глаза,
Глядящие всегда немного за —
Где грань, и склянь, и треснутое счастье,

Et cetera. Ты машешь мне рукой.
Тебе идет простой и голубой.
Охваченная утром и туманом,
Протягиваешь искренность — лови!
И чайки умирают от любви,
А остальные птицы — от обмана.

МАЙ НАЯВУ

А в мае — настигнет трепещущий лес.
Войдешь в это чудо с улыбкой и без
Тягучего чувства утраты.
Так вот оно — счастье, но ты ни при чем,
Раздвинешь лучи непокорным плечом —
Наивный, родной, виноватый.

Как короток месяц. Как голос глубок.
Сидит на плече голубок волоок,
Воркует, ласкает, печалит.
Нечасто случается май наяву —
Мы входим в себя, обретаем листву,
И Бог головою качает.

У мая под платьем — то дождь, то сирень,
И запах дурманит, и выбежать лень
Из дома в щебечущий воздух.
Гляди же в меня — сколько хватит времен,
Пока не поймешь, что навеки пленен,
По капле на ландыши роздан,

Пока не увидишь на небе и за
Суровой судьбы голубые глаза.

* * *

Меня здесь больше нет. Ни больше и ни меньше
Песка на берегу, ракушек на песке.
Кричат со всех сторон покинутые вещи
По-птичьи — на простом, понятном языке.

Как море прячет свет, как голову роняет
Заплаканный закат — почти не разглядеть:
Посмотришь и пропал: от края и до рая —
Уже не то, что жизнь (совсем не то, что смерть).

Меня здесь... Ни меня, ни возгласа, ни тени,
Ни тяжести слепых, нагретых солнцем плит,
Ни трепета в груди, ни книжки на коленях —
Вкус яблок на губах. И больше не болит.

* * *

Суббота. Хлопоты... Поет
Крыльцо простуженно и грустно.
Заиндевшее белье
Хрустит, как свежая капуста.

Цветет за окнами батист,
Струится шелк, сияет хлопок.
Вплывает ветер тонкий свист
В шуршанье елочных иголок.

Огонь бормочет о своем —
Печальном, нежном, дивном, дальнем.
Снег пахнет небом. Ночь — углем.
Ты — морем, августом, желаньем...

* * *

День начинается с тебя, как жизнь с отчаянного вдоха.
Заря старается не зря, и небо выглядит неплохо.
Играет музыка без слов. Словам то весело, то страшно.
Теплее кров, быстрее кровь, и мир, как яблоко, раскрашен.

А воздух в легкие набит — он горло мучает и гложет,
И небо ласково твердит, что счастье зло и невозможно.
Ну что же ты, прости, прощай, люби меня, пока не поздно.
Мой нежный сад выходит в рай, а в нем сияющие звезды,

Твой день и короток, и мил, мой вечер праздничен и сладок,
И нет ни времени, ни сил подобный выстрадать подарок.
И я, нисколько не любя, твержу заклятие простое:
День начинается с тебя. А значит, жизнь чего-то стоит.

ПРО ШМЕЛЕЙ И НЕ ТОЛЬКО

Столько снега... Не жалко, бери.
За окошком уже ноябри,
На скамейках ночуют метели,
Или это шмели поседели,
Облетели, в траву залегли?

Столько счастья, что верю с трудом.
Замирает от нежности дом,
Запирает шмелиные соты.
Разложи меня, милый, на ноты,
Отложи тишину на потом.

Подыши на меня, разморозь,
Если вместе — безвыходно врозь.
Так забей глубоко и умело
В легкомыслия жаркое тело
Обожания чувственный гвоздь.

Чтобы радость и грусть невпопад,
Чтоб скрипичная горечь утрат
Отзывалась смычком голубиным —
Вот и встретились две половины...
Снегопад приближается. Рад?

А СНЕГ ЛЕТЕЛ НАОБОРОТ

Слова пригнулись, взяв разбег
От губ. Дорог не различая,
По улицам пронесся снег,
Как сок по жилам молочая.

Я штопала молчаньем рот,
Топтался шепот у порога.
А снег летел наоборот
И осторожно небо трогал.

Окна покачивая гладь,
Сплетались нити белых кружев.
И было страшно — не терять,
А жить — потерь не обнаружив.

Снег был растаскан на клочки
Со временем, такое дело.
А грусть проникла сквозь зрачки,
Помедлила... И улетела.

МЫ ЧИСТИМ СНЕГ

Я и весна — плечо к плечу —
Счищаем снега позолоту
С крыльца. И весело грачу
Смотреть на спорую работу.

В груди от смеха горячо,
Поет, гудит спины подкова.
А дом качается свечой
В наростах воска ледяного.

Гремят по кровлям жемчуга,
Мелькают инея скорлупки.
Летят танцовщицы Дега,
Взметая газовые юбки.

Стекает вечер в желоба.
Темнеет намертво и сразу.
Слабее ветер. Но труба
Еще твердит глухую фразу.

Вернись домой — прижми к груди,
Отбрось тоску едва початой.
Мой рот малиновый найди
И на пороге распечатай.

* * *

Я захожу в твое зеркало, чтобы
Там и остаться и вновь поразиться,
Что зеркала, как и мы, твердолобы —
Просто стеклянные глупые птицы.

Я отражаюсь расплавленной свечкой,
Воском, тебя не способным обжечь, но —
Крепко прижмусь и беспечно замечу:
Все преходяще. Особенно вечное.

Я прилеплюсь к тебе амальгамой,
Глупой, как всякая женщина. Это —
Счастье. А черная туча над рамой —
Чтоб от безумной любви не ослеп ты.

Я НЕ О ГРУСТНОМ

«Ты же большая девочка», — говоришь,
И я становлюсь меньше твоей ладони.
В комнате тихо — так тихо, что лихо, лишь
Слышно, как птица тикает на балконе.

Что там за дверью — где небо и мира край?
Кончилось время, теперь не узнать — который
(Сколько ни складывай, сколько ни вычитай)
Век между нами — ни суеты, ни ссоры.

Ягодой жизнь перекатывая во рту,
Разве запомнишь сумерки и пропажи?
Слезы мои — это слишком живая ртуть,
Не обращай внимания, не обращай же...

Я не о грустном. Вот вечер, вот утро, вот
Дерево, дом (троекратное Д!) и дети.
Выйду на улицу — облако унесет,
Дома останусь — тут же подхватит ветер.

В комнате тихо, лишь крылья промокших крыш
Хлопают, слышишь? Пока розовею — тронь и...
«Ты же большая девочка», — говоришь,
И я становлюсь меньше твоей ладони.

ДАВАЙ, УЛЫБНИСЬ

День полон Шагалом и хрупкой листвой,
Дрожащей от смеха и ветра,
И мы вдруг становимся сами собой
Безудержно и беззаветно.

Ах, как удивляются сквер, и вокзал,
И все бесполезные вещи —
Над улицей люди (Шагал так Шагал)
Цветными шарами трепещут.

По парам и врозь. Улыбаясь и нет.
Промокшие легкие люди
Пронесятся, трогая щеки планет
И млечные звездные груди.

Сегодня, любимый, наш первый полет,
Пусть ты опечален и болен,
И пусть за туманом окрестных болот
Не видно плечей колоколен,

Давай, улыбнись. Изумится народ,
Трамвай громыхающий взвизгнет,
А небо подхватит тебя и спасет
От всепоглощающей жизни.

ВО ВСЕМ ТАКАЯ ПРОСТОТА

Светает нехотя. Свечей
Обкусанные губы пухнут.
Вот коврик у двери — ничей —
Ползет на кухню.

Там, ломким пальчиком грозя,
Часы отряхивают время,
И маятник стучит — Нельзя.
И тень. И темень.

Из безрукавок сквозняков
Так тянет нежностью и мятой,
Что огорошена любовь —
Вы что, ребята?

Во всем такая простота,
Что вспоминать ее и плакать.
Чем гуще проголодь листа,
Тем слаще мякоть.

Чем изумленнее ладонь,
Тем изумительнее тело,
И сердце падает в огонь
Свечи.

Ну вот.

Сгорело.

ОСЫ ТВОИ

Осы твои серебряны и нежны.
Рой, просыпаясь, жалит, жужжит, блажит.
Солнце, ругаясь, ест апельсин с ножа.
Это зима — так укутай меня в пожар.

Эта зима, как ребенок — чиста, проста.
Голое небо читает меня с листа,
Черные ветки листают мою тетрадь,
Хочешь — запомни, не хочешь — на птиц потрать.

Колко ли, звонко ли — короток зимний день.
Выйти из дома — маетно, ярко, лень...
Мне же сегодня — как и всегда — важней
Осы твои, закатных ножей нежней.

ГОРОШИНА

У разлуки привкус вина и плоти,
Нам с любовью этой одна морока.
Ты попробуй спрятать меня за щеку,
Потому что вкусно. И я не против.

Если утром каждым, едва проснувшись,
Теребить губами горошин вишни,
Расцветут от радости груди груши.
Только где та радость? — была и вышла.

Только где то утро? — гляди, как свищет
Тополиный ветер, спаси нас боже.
Не жена — скорее, вода и пища,
То-то голод гложет и жажда тоже.

Подожди раскачиваться от грусти,
Повторять потерянное «не надо»,
Ты ж мою горошину не отпустишь?
Положи за щеку меня — и ладно.

Заскулю улыбчивою собакой,
Неужели, дескать, мы снова вместе?
И постелет Боженька поле маков
И про нас напишет вот эту песню.

ЗА РЕКОЙ, ЗА НЕБОМ

Вот низкое небо, а в небе — река,
В реке — опрокинутый лес.
Разлука безрука, разлука горька,
А выгонишь — холодно без.

То рюмка надежды, то капля вины,
(Волянка, жалейка, гобой),
Продрогшие ветки, озябшие сны,
Но там — за шершавой рекой,

За небом, где шепот, и шелест, и хмарь,
Так много и ласково нас,
Что ты открываешь меня, как букварь,
В счастливый бесчисленный раз.

И буквы, как листья, летят и летят
На свет безмятежного «вдруг»,
И долгое счастье плетет шелкопряд
Из наших горючих разлук.

* * *

Выхожу из дома, машу руками —
Собираюсь лететь, поэтка, ишь ты.
За домом — горы, укрытые облаками,
За горами — ты. Не спишь. Дышишь.

Столько неба в груди, что ужасно просто
Выдохнуть прочувствованное «лю-»,
Вся дорога к тебе — переходный возраст
От августа к ноябрю.

От яблочек детства, от варенья из туи —
К простоте в слезах, красоте без лжи.
Я ль с тобой не балуюсь, тебя не балую?
Ну скажи, скажи?

Я ль тебя не жду в тишине под вечер,
Руки, плечи — голые, синий взгляд.
Обижаться незачем, хвастать нечем,
Просто взял — и рад.

Так берешь, что голодным другим на диво,
Ежедневность нежа и теребя.
Посмотри, как я для тебя красива,
Как я — для тебя.

То, что есть и светится между нами,
Не смахнешь, как прядь с горячего лба.
Выхожу из дома. Машу руками.
Судьба.

АВГУСТ НА ДВОИХ

АВГУСТ НА ДВОИХ

Следы ощупают тропу,
В сухой траве завянет солнце,
Укроет бережно лопух
Ежа, рискуя уколотся.

И вдруг покажется — покой...
Такой, что господи и тише,
Что ты со мной, со мной, со мной,
Ну разве что за хлебом вышел.

Настанет вечер, наг и тих,
И мы — испуганные дети —
Разделим август на двоих.
А впрочем, август будет — третьим.

ПОТОМУ ЧТО

Почему-то, только без обид,
Мне тебя, как маленького, жалко.
Колокольчик плачет и звенит
В глубине. Так холодно и жарко,
Что невыносимо хорошо.
Так невыносимо, что не надо
Говорить. Случился и прошел —
Будто дождь по вздрогнувшему саду.
Потому что — брежу или сплю —
Сад расцвел и пчелы наготове.
Я б сказала долгое «люблю»
Только что тебе в коротком слове.

ВНУТРИ МЕНЯ

Внутри меня так больно — что любовь.
Не маленькое детское бо-бо,
Не взрослое, где голые и двое,
А теплое, голодное, родное.

Как быть мне с этим голодом, скажи?
Внутри меня растерянная жизнь,
Возьми ее — плакучую — за плечи.
Поплакала б. Но незачем. И нечем.

Потом встряхни за шиворот, слегка.
Внутри меня такие облака,
Такие неизведанные дали,
Что мы с тобой...
Растаяли. Пропали.

ПРИКОСНОВЕНИЙ ТИХИЕ СЛОВА

До тишины — дотронуться рукой.
Дыши, дыши. У времени — затишье.
Пока во сне посапывал покой,
В домашних тапках — синий и густой —
Собрался дождь. И на веранду вышел.

А начиналось робко, и едва
Качнула воздух голая листва,
Слепое небо вздрогнуло, набухло,
Разбило каплей каплю — и давай —
Прикосновений тихие слова
Накрыли и расставили по буквам.

...Под утро — голод, пара долгих нот,
Следы дождя на улицах и лицах.
Так хорошо, что кажется — вот-вот
Внутри меня от счастья запоет
Твоя незаживающая птица.

МОЦАРТ И МЕЖДУ СТРОК

Только проснешься — солнце стучит в окно.
Солнце — всего лишь птица. Бери и грей.
Только подумаешь — счастье, — и вот оно:
Скрипка. *Andante dolce*. Еще нежней.

Там, где рождается небо восторга для,
Звук извлекает цвет из обычных слов,
Теплое счастье берет в оборот меня.
Счастье — не страшно, если к нему готов.

Только проснешься... Только бы жив-здоров,
Все остальное — Моцарт и между строк.
Лишь бы внутри напевал несердитый бог,
Тот, про которого ты говоришь — Любовь.

ПРОСЫПАЙСЯ

Наша радость — это солнце через край.
Чай заварен. Пар валит из носика.
Утро стащит одеяло — и бывай,
Просыпайся беззащитней песика
От нахлынувших объятий. В этот миг
Основания для счастья — те еще:
Преступление с отсутствием улик —
Поглядеть в лицо любимой женщины.

И НЕТ СЧАСТЛИВЕЕ

Проснемся — цветет восток,
Спускается — ниже, ниже.
Прости мой щенячий восторг,
Иди же ко мне, иди же.

Пока немоту холста
Крадут голоса и пятна,
Побудь со мной — непроста,
Заманчива, непонятна.

Еще ни разлук, ни ссор,
Еще горячо и сладко,
Что ж я, как последний вор,
Гляжу на тебя украдкой —

Любуюсь. И весь твой свет
Небесный — мне мед и млеко.
А сердце болит, и нет
Счастливее человека.

БЫЛО БЫ ЯБЛОКО

Было бы яблоко — вызреет повод упасть.
Ты мое яблоко-тыблоко, гиблая страсть.
Спей же. Успеешь — уткнешься в ладонь сентября.
Жить без тебя не могу, а живу — без тебя.

Вечер — особенно страшно, особенно бо...
Дай пожалеть, надкусить ошарашенный бок,
Вымолить сок, расплескать, растерять серебро.
Ты — мое яблоко. Я — запасное ребро.

Сад оживает, хохочет, слетает с петель,
Яблочный ветер — какое там ветер — метель!
Завтра — зима, но пока соберу про запас
Спелых, счастливых, zalюбленных до смерти
Нас.

БУДУ ЯБЛОКОМ

Там, где зрела радуга — только дым,
Самолет да облако — всех небес,
Хочешь, буду яблоком наливным
В красной шкурке бархатной или без?

Дождь идет по городу не спеша,
Расцветают голуби на груди,
Под ладонью августа спит душа,
Как придешь, нащупай и — разбуди.

В глубине опаловой — тишь да зной,
Спеет, спеет семечко, будешь рад.
Под мою бархатной кожурой
Целый сад расцвел. Целый сад.

Вечереет. Плавится неба бок,
На тарелке облака — лунный блин...
Ты бы спрятал жизнь свою, если б смог,
Между этих яблочных половин,

Чтобы в каждом городе — вечный Рим,
Чтобы в каждой комнате — солнца брешь...
Хочешь, буду яблоком наливным,
Или так распробуешь, выпьешь, съешь?

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЕ

Тридцать второе. Август. Солнце мешает спать.
Кто говорит про осень? Осень уходит вспять.
Время идет на голос и попадает в плен.
Небо теряет листья. Ветер встает с колен.
Утро идет на кухню резать счастливый лук:
Тридцать второе — значит, нет никаких разлук.

Город бросает якорь. Крыши дырявит дождь.
Стук перезрелых яблок, тел загорелых дрожь,
Губ немота и пряность... Вот и мотай на ус:
Чем безнадежней радость — тем бесшабашней грусть.

Тридцать второе. Значит — разбудоражь и будь.
Счастье — всегда навьлет. Надо ж, как ноет грудь.
Там, в глубине осенней, между слепых страниц
Мой ненаглядный август —
Пленник,
 любовник,
 птиц.

ПОСИДИ ЕЩЕ СО МНОЮ

Предвечерняя беседа,
Предосенняя прохлада...
Под моим сопящим плодом —
Ухо, лапы, хвост и радость.

В доме — нега, в небе — смута,
В сердце — песня беспокойя...
Жизнь проходит, как минута.
Посиди еще со мною.

Разбегаются и тают
Звуки. Бог с ним, если осень.
Я — мелодия простая,
Повторяй меня, не бойся.

Разучи слова и вздохи,
Рассмеши лучи и части,
Объясни любимой крохе,
Сколько яблок в слове «счастье».

Как возможно быть веселым,
Если в окнах — дождь и жалость?
Почему так жалят пчелы —
Жалко меда? неба мало?

Отчего всегда в разлуке
Ночь и день, земля и птица?
...А усну — возьми на руки,
Чтоб смогла тебе присниться...

В НЕРАСКАЗАННОМ ЛЕСУ

В нашем нерасказанном лесу
Сосны держат небо на весу
И, души игольчатой не чая,
Нежно ранят теплые бока,
Чтоб слезились солнцем облака,
Как цветочным чаем.

Посреди пернатых трав и крох
Мы с тобой не более, чем вздох
Радости. Бывает же удача.
Насмерть заблудившийся в лесу,
Я тебя укрою, унесу,
От иголок спрячу.

У костра, где угли и закат,
Будем слушать музыку цикад,
Сочинять бесхитростные песни.
Впрочем, что нам песни и цветы,
Вот сидим на кухне я да ты,
Лучше — есть ли?

НАШ ДОМ

Кому-то мал и неказист,
А мне — так нет его пригожей.
Рассыпан в окнах птичий свист,
Шершавым носом рыжий лист
Ковер исследует в прихожей.

Порхают жесты в зеркалах,
Пастушка нежится на блюде,
В набитых воздухом углах,
Расставленные впопыхах,
Живут цветы, собаки, люди.

На кухне глиняный горшок
Дымит. От пола пахнет стружкой.
А деревянный петушок,
Вскочив на маковый вершок
Уже стучит в часы с кукушкой.

Пора! Встречая новый день,
Сияют солнцем окна, лица...
Чердак заломлен набекрень,
Встает на цыпочки сирень,
И утро дынею сочится.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РОДА

Одинокой дудочки песня
Обгоняет меня, босую.
Тонкопечий кувшин несу я, —
Как вино в его горле тесно!

Пятки круглые прячут след свой
Меж камней и змеиных норок.
Нрав мой кроток. А век недолог,
Словно привкус лепешки пресной.

Сладкий август делает больно...
Под оливами, в смуглой лени,
Расстелю свое тело вольно,
Расцеплю тугие колени.

Первый крик разобьется оземь,
Вздрагнет ночь и расплещет сливки.
Взгляд его безмятежно-оливков.
Он родится без четверти восемь.

НА ЗАКАТЕ

Вроде плакать о прожитом рано...
Слишком остро осенней порой
Пахнет яблоком, медом, шафраном,
Увяданием и красотой.

Этой прелестью обезоружен,
Ты глядишь в обессиленный сад.
Сердце бьется спокойнее, глуше,
И вливается в хрупкую душу
Обжигающий листья закат.

Размышляя о жизни и смерти,
Вздогнешь: значит, бессмертия нет?
Бог услышит, правдиво ответит,
Улыбнется и выключит свет.

ЭТО АВГУСТ И ВЕРБЕНА

Дождь расстегивает небо, сыплет радость из ведра —
Это август, и вербена, и любовная хандра,
Это голос, это тело, это нега и покой.
Это все, чего хотела.
Не спеши. Побудь со мной.

Век ли, день ли — все едино, потому что повезло:
Зря ли наша пуповина перехвачена узлом?
Зря ли сумрачным и алым — изо всех любовных сил —
Я тебя нарисовала?
Ты меня одушевил.

Жизнь от края и до края — боль без яблок и прикрас:
Дождь отшутит, отыграет, отыграется на нас.
Август короток и сладок. Раз — и выпустил из рук...
Радость скроена из радуг.
Вдохновенье — из разлук.

ХОЧЕШЬ, ПРИДУМАЕМ

Хочешь, придумаем дом у дороги,
Чтобы проснулся — и рад.
Дождь, опираясь на тонкие ноги,
Выйдет в заплаканный сад.
Вскрикнет во сне потревоженный ослик,
Медно откликнется таз.
Хочешь, придумаем раньше и после,
Чтоб не кончалось сейчас?
Капля за каплей — не дождь, а варенье:
Слива, инжир, алыча.
Счастье садится к тебе на колени,
Солнце сползает с плеча.
Сколько их нужно — тревожных и нежных
Капель, созвучий, цветов?
Это стихи. Так снимай же одежды
С разоблачающих слов.

БУДЕТ ПОЛДЕНЬ

За оливковой рощей — дорога,
Под оливковым небом — покой.
Будет полдень. Намеренно строго
Позовешь: «Возвращайся домой».

Что нам беды, и воды, и стужи
Серых дней и бессовестных миль...
Океаны — подумаешь, лужи.
Перевалы — подумаешь, пыль.

Дом как дом. Поредели ступени,
Покосилась листва на плечах.
Слышишь, ослик от неги и лени
Произносит печально: «И-ах».

Возвращайся. Разбрызганы маки
По траве, что подмышек нежней.
И щенки у соседской собаки...
Ну конечно, того — порыжей.

Возвращайся — моя и красива,
От разлуки — ни слез, ни следа.
Тишина...
Над лиловой оливой
Колет левое небо звезда.

МЫ С ТОБОЙ

Пока раскрашивали высь —
Настали радостный и красный.
Всему, что будет, — улыбнись,
Все, что случилось, — не напрасно.

За горизонтом горизонт,
Там сыр и бор и краски гуще.
Привел и — ласковое: вот
Тебе обещанные кущи.

Пока раскрашивали быт
В любовь — божественным и рыжим,
Случилось — выстрадать и быть
Не рядом — ближе, ближе, ближе...

Наш рай — он вылюблен, согрет,
Как пес доверчив и разлапист,
В нем так сияет вешний свет
Сквозь амфибрахий и анапест,

Что понимаешь: мы с тобой
Продлимся дольше и чудесней,
Чем этот нежно-голубой
На срезе неба, моря, песни...

СОДЕРЖАНИЕ

ДО НАШЕЙ ЭРЫ	
До нашей эры	7
Предрассветное	8
О начале	9
Вот и хватит	10
Останемся дома	11
Прогулки	12
Алое на сером	13
Не робей	14
Тихие радости	15
Жизнь проходит	16
Утешь меня, слово	17
Первые слова	18
Когда человек смеется	19
Край света	20
Пропала	21
Чтобы запомнить	22
Все остальное	23
Так проснусь	24

И ТАЙНА ОДНА	
Голос твой	27
И тайна одна	28
И Бог со мной	29
И разлука поет	30
Глядишь в меня	31
Береги меня	32
Гляди — сгорим	33
Погоди	34
«Так и выходишь на улицу...»	35
«Лист теряет голову и летит...»	36
«И вдруг оказалось...»	37
Разговори птенца	38
Мы вырастим радость	39
Листопад	40
Трогательное	41
Пока не растаяла	42
На небо, в облако, за двери	43
В переводе с птичьего	44
НА ДРУГОЙ СТОРОНЕ ЛЮБВИ	
На другой стороне любви	47
Это все еще Рим	48
Без разницы	49
Если скажешь — Мадрид...»	50
Где праздник есть	51
Май наяву	52
Меня здесь больше нет...»	53
Суббота. Хлопоты...»	54

День начинается с тебя...»	55
Про шмелей и не только	56
А снег летел наоборот	57
Мы чистим снег	58
Я захожу в твое зеркало...»	59
Я не о грустном	60
Давай, улыбнись	61
Во всем такая простота	62
Осы твои	63
Горошина	64
За рекой, за небом	65
Выхожу из дома, машу руками...»	66
АВГУСТ НА ДВОИХ	
Август на двоих	69
Потому что	70
Внутри меня	71
Прикосновений тихие слова	72
Моцарт и между строк	73
Просыпайся	74
И нет счастливее	75
Было бы яблоко	76
Буду яблоком	77
Тридцать второе	78
Посиди еще со мною	79
В нерасказанном лесу	81
Наш дом	82
Продолжение рода	83
На закате	84

Это август и вербена	85
Хочешь, придумаем	86
Будет полдень	87
Мы с тобой	88

Литературно-художественное издание

Серия «Поэтическая библиотека»

Лада Миллер

Художественный редактор

Валерий Калныньш

Корректор

Татьяна Тимакова

Подписано в печать 18.03.2018
Формат 70x108¹/₃₂. Бумага офсетная.
Гарнитура CharterС. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз. Заказ №

«Время»
117105, Москва, Варшавское шоссе, 3
<http://books.vremya.ru>
e-mail: letter@books.vremya.ru
Телефон: (495) 954 10 82

Отпечатано в ОАО «ИПП “Уральский рабочий”»
620990, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13
<http://www.uralprint.ru>
book@uralprint.ru